

Литература

Лосская Вероника «О записных книжках Марины Цветаевой»: сайт / Ирина Машинская // литературно-художественный журнал Стороны Света – Нью-Йорк : 2005. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.stosvet.net/9/losskaya/> (дата обращения: 23.03.2023).

Письма. Наследие Марины Цветаевой (2004–2016). [Электронный ресурс]. URL: <http://www.tsvetaeva.com/letters> (дата обращения: 23.03.2023).

Сулейманова М.А. Эпистолярная проза М. Цветаевой – продолжение ее поэтического языка // Известия ДГПУ. Общественные и гуманитарные науки. 2008. № 2. С. 13–17.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки в 2х томах. Том первый: 1913–1919. М. : Эллис Лак, 2000. 563 с.

Цветаева М. Неизданное. Записные книжки в 2х томах. Том второй: 1919–1939. М. : Эллис Лак – 2001 г. 546 с.

Цветаева М. Неизданное. Сводные тетради; Подгот. текста, предисл. и примеч. Е. Б. Коркиной, И. Д. Шевеленко; [Рос. гос. арх. лит. и искусства, Дом-музей М. Цветаевой]. М. : Эллис Лак, 1997. 637 с.

Цветаева М. Собрание сочинений: в 7 т. Т. 6. Письма / вступ. ст. А. Саакянц. Сост., подгот. текста и коммент. Л. Мнухина. М. : Эллис Лак, 1995. 800 с.

Цветаева М. Том 4. Книга 2. Дневниковая проза. Собрание сочинений в семи тома, М. : Terra, Книжная лавка – РТР, 1997.

Шевеленко И. Д. Литературный путь Цветаевой: Идеология, поэтика, идентичность автора в контексте эпохи / Ирина Шевеленко. - Изд. 2-е, испр. и доп. – М. : Новое лит. обозрение, 2015. 445 с.

Volozhanina V.V. *Autobiographical plot in Marina Tsvetaeva's notebooks*

Abstract: Marina Tsvetaeva wrote: «All my prose is autobiographical». The poet's notebooks are the most valuable material for confirming this phrase, because, in addition to the factual side of life, we can also trace the emotional side (through the graphic and stylistic features of the text to see an instant emotion). In the report, we answer the questions: What topics prevail in Tsvetaeva's notebooks? Can this autobiographical prose be considered absolutely reliable? Why does the definition of «the history of the soul» apply to Tsvetaeva's notebooks?

Keywords: autobiography, notebooks, life, soul, cycle, theme.

А. Ф. Гук

(научный руководитель О. А. Гриневич)

*Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь*

Освоение и присвоение пушкинского мифа в автобиографии М. Цветаевой «Мой Пушкин»

Аннотация: в данной статье рассматривается модификация пушкинского мифа в творческом сознании М. Цветаевой. В процессе осмысления пушкинского мифа писательница рассуждает о мифологемах-константах о поэте, однако, «пропуская» их через свое творческое сознание, представляет «своего» Пушкина. Наблюдается трактовка мифа в соответствии с индивидуальным авторским мировоззрением и мировосприятием, а также в соответствии с модернистскими художественными приемами. В ходе исследования выявляется сакрализация Пушкина с личностных позиций (индивидуальный миф в противовес коллективному, социальному мифу).

Ключевые слова: пушкинский миф, мифологема, мифологический образ, сакрализация, авторский миф.

Пушкинский миф – это значимая часть русской культуры. Зачастую образ А. С. Пушкина у простого читателя формировался под влиянием социокультурных факторов, в сознании просвещенных людей и деятелей искусств он подвергается творческой рефлексии. Художники, музыканты, поэты и писатели ощущали особую связь с А. С. Пушкиным в творческой деятельности, не является исключением и Марина Цветаева.

В очерке М. Цветаевой «Мой Пушкин» отражаются специфические художественные приемы автора, но наиболее примечательным является диалог с существующими ранее мифологемами. В процессе осмысления пушкинского мифа писательница сталкивается с общепринятыми мифологемами о Пушкине, однако «пропуская» их через себя, представляет нового поэта, «своего» Пушкина. В автобиографии наблюдается сакрализация образа Пушкина с позиции автора. Цветаева как представитель модернистского направления утверждает систему ценностей, которые близки ей как отдельной личности в данный исторический период. На протяжении всего произведения Цветаева истолковывает миф в соответствии со своим мировоззрением и мировосприятием: мы наблюдаем сакрализацию Пушкина с личностных позиций: индивидуальный миф в противовес коллективному, социальному мифу.

Отношение Цветаевой к Пушкину не содержит коленопреклоненного почитания «литературной иконы» или бронзового памятника. Все ее творчество пронизано духом товарищества, диалога с писателем, а в произведении «Мой Пушкин» – даже кровным родством. В понимании Цветаевой-поэта решающим является твердое убеждение в том, что влияние Пушкина может быть только освободительным. Порукой этому – сама духовная свобода Александра Сергеевича, которую прижизненно выразил писатель в творчестве. В его поэзии, личности гения Цветаева видит торжество свободной и освобождающей стихии, выражением которой, как она понимает, служит истинное искусство (об этом – в ее трактате «Искусство при свете совести»). Цветаева считала, что «поэт – дитя стихии, а стихия – всегда “бунт”, восстание против слежалого, окаменевшего, пережившего себя» [Цветаева 1981: 7].

Создание произведения датируется 1937 годом, который является юбилейным (100-летие со дня смерти А. С. Пушкина). Образ Пушкина в данный исторический период подвергается сакрализации. Повествование ведется от лица маленькой девочки, однако, так как это автобиографическое произведение, в подтексте всегда присутствует «взрослая Цветаева», которая по законам жанра вынуждена «обрабатывать» собственные воспоминания, «додумывать» жизненные факты, избирать необходимые эпизоды, искать наиболее доступную форму для выражения своей мысли. Возникает вопрос о том, почему в центре писательского внимания находится данный жизненный этап. Цель автора заключалась в том, чтобы показать Пушкина глазами ребенка, изначально полностью свободного от стереотипов, культурных мифов, которые приобретаются в последующие годы. В процессе осмысления пушкинского мифа Цветаева сталкивается с общепринятыми мифологемами о Пушкине, однако «пропускает» их через себя, представляет нового поэта, «ее» Пушкина.

Марина Цветаева в данном очерке акцентирует внимание на определенных мифологических образах, например, на мифологеме «избранничества» и «изгнанничества», великом поэтическом даровании и вытекающей из этого мифологеме «божественности», «Пушкин – бунт», «Пушкин – свобода», мифологема «поэт и толпа», «Пушкин – негр», «Пушкин – миротворец», «Пушкин и власть», «Пушкин – пророк» и др.

В автобиографии показано, что Цветаева впервые «соприкоснулась» с Пушкиным в 3-летнем возрасте, когда в комнате матери обнаружила картину «Дуэль». Изначально для нее там изображены безликие черные люди, далее она повествует: «первое, что я узнавала о Пушкине, это – что его убили. Потом я узнала, что Пушкин – поэт, а Дантес – француз» [Цветаева 1981: 34]. Картина висит в спальне, что является интимным, личным

пространством. Первое что осознает Цветаева – это убийство, после она осознает, что это убийство именно поэта. Особенность цветаевского восприятия личности Пушкина заключается в факте изначального знакомства с поэтом как с живой личностью, смертным человеком, а не «залакированной» бессмертной фигурой. Также автором сознательно искажается факт о причинах дуэли, однако для Цветаевой наиболее важным является сакральный поэтический дар Пушкина. Вот цветаевское описание дуэли: «Дантес возненавидел Пушкина, потому что сам не мог писать стихи, и вызвал его на дуэль» [Цветаева 1981: 34]. Тем самым она с первых строк развивает мифологему о божественном даровании поэта. Это также выражается в деталях автобиографии, например, в указании о том, что в родительском доме находилось три картины: «Дуэль», «Татары», «Явление Христа народу», хотя из биографии известно, что у отца будущей поэтессы была целая коллекция. Представляется, что Цветаевой двигало намерение развить аналогию между поэтом и Богом (Пушкин и Иисус Христос в первой части текста: далее Пушкин сравнивается с Творцом), а образ татар, сплетенный с рассказом о судьбе поэта, выступает как осмысление мира и своего места в нем [Смит: 1998: 133]. В картине Наумова «Дуэль Пушкина с Дантесом» также прослеживается связь с образом Христа: когда Пушкина уводят, он опирается на двух мужчин (схожим образом изображается снятие с креста). Исходя из божественной роли поэта, сакральным становятся и связанные с ним события и детали его биографии: Цветаева подчеркивает священную смертельную рану в живот. Более того, по ее мнению, все поэты страдают от такой раны. Данный мотив прослеживается в раннем творчестве поэтессы, а именно в стихотворении «Поэма Конца» 1924 г., где героиня наследует рану от прародительницы Евы. Таким образом, Цветаева осмысляет поэтов, а в первую очередь Пушкина, как наказанных бунтовщиков.

«По существу, третьего в этой дуэли не было. Было двое: любой и один. То есть вечные действующие лица пушкинской лирики: поэт – и чернь». Поэтесса отражает одну из наиболее распространенных романтических мифологем – поэт и толпа. Для Цветаевой нет личности, которая сравнилась бы с ее Пушкиным, другой становится «любим»: «Чернь <...> убила – поэта. А Гончарова, как и Николай 1-й – всегда найдется» [Цветаева 1981: 34]. Деление цветаевского мира на поэта и всех, т.е. на дух и плоть, началось именно с А. С. Пушкина. Цветаева развивает мотив поэта-мученика, против которого восстает большинство, что также сближает его с образом Иисуса Христа: «С тех пор, – писала она в своем эссе, – да, с тех пор, как Пушкина на моих глазах на картине Наумова – убили, ежедневно, ежечасно, непрерывно убивали все мое младенчество, детство, юность, – я поделила мир на поэта и всех, и выбрала – поэта...» [Цветаева 1981: 35]. Однако в автобиографическом очерке писательница не дает однозначного определения поэту, поэтому сближение с Христом прерывается в описании последнего волевого жеста Пушкина как акта творчества: «Нет, нет, нет, ты только представь себе! – говорила мать, совершенно не представляя себе этого ты. – Смертельно раненный, в снегу, а не отказался от выстрела! Прицелился, попал и еще сам себе сказал: браво! – тоном такого восхищения, каким ей, христианке, естественно бы: “Смертельно раненный, в крови, а простил врагу!”» [Цветаева 1981: 35].

В повествовании Цветаева подчеркивает, что русский поэт темнокожий, в то время как славяне преимущественно светлокожие, часто светлоглазые. Писательница описывает воображаемый образ поэта, однако сама делает замечание, что при жизни Пушкин имел другие черты. Это также объясняется мотивом присвоения: Пушкин у Цветаевой особенный, не такой как у всех. Также и внешность поэта в ее воображении отличается от общепринятого представления. Пушкина она изображает абсолютно черным, тем, кто выделяется уже не среди черни, а тем, кто выглядит исключительно на светлом фоне. Данный контраст выделяет его из толпы, а чернота подчеркивает африканские корни. Как известно, Африка являла наиболее отстающий от цивилизации регион, поэтому факт африканских корней Цветаева связывала с романтическим образом, с его природной, бурной свободой, которая не зависела от среды: «этим, со всеми нами, явно возвращая Пушкина в

его родную Африку мести и страсти, и не подозревая, какой урок – если не мести, так страсти – на всю жизнь дает четырехлетней, еле грамотной мне» [Цветаева 1981: 35]. Также мифологема потомка негров превращается в эссе в символ не только избранничества, мятежной сущности поэта, но и в символ изгойства: «Боже, как сбылось! Какой поэт из бывших и сущих не негр, и какого поэта – не убили?». В эстетике символизма «миф о смерти поэта» нередко приобретал характер «искупительной жертвы».

«До “Дуэли” Наумова был другой Пушкин, Пушкин – когда я еще не знала, что Пушкин – Пушкин. Пушкин не воспоминание, а состояние» [Цветаева 1981: 35]. До картины Цветаева, как она излагает в очерке, уже в «до-грамотном» возрасте была знакома с памятником Пушкина: «Пушкин – всегда и от всегда». Для нее это был черный человек, который «выше всех и чернее всех – с наклоненной головой и шляпой в руке <...> о, как я вижу эти нагруженные снегом плечи, всеми российскими снегами нагруженные и осиленные африканские плечи!» [Цветаева 1981: 36]. Пушкин является символом силы духа, который преодолевает суровые жизненные препятствия. Памятник для обычного советского человека – это место, где можно оставить цветы, на торжестве почтить память, но для Цветаевой Пушкин изначально был первой целью (прийти, чтобы находиться рядом), первой пространственной мерой и т.п., то есть средством познания окружающего мира. Десакрализация памятника была обусловлена тем, что писательница чувствовала, что она могла не только «преклоняться» перед ним, но и по-детски с любопытством обходить, осматривать или играть, обскакать его на одной ноге: «памятник Пушкина был первой победной моего бега» [Цветаева 1981: 37]. Цветаева повествует об игре с фарфоровыми фигурками размерами с мизинец, и приходит к выводу, который отражает все ее дальнейшее восприятие Пушкина: «я перед фигуркой великан, но я перед Пушкиным – я. То есть маленькая девочка. Но которая вырастет. Я для фигурки – то, что Памятник-Пушкина – для меня. Но что же тогда для фигурки – Памятник-Пушкина? <...> он для нее такой большой, что она его просто не видит. Она думает – дом. Или – гром <...> он ее тоже – просто не видит. А меня – видит» [Цветаева 1981: 36]. Пушкин всеобъемлющий, всеохватывающий и родной как дом – это восприятие автора. Но нестандартный, не идущий по определенной извне тропе, он тот, кто будоражит собой, как гром. Цветаева делает вывод о том, что «из тысячи фигурок, даже одна на другую поставленных, не сделаешь Пушкина» [Цветаева 1981: 38] – Пушкин неподражаем.

«Памятник-Пушкина я любила за черноту – обратную белизне наших домашних богов. У тех глаза были совсем белые, а у Памятник-Пушкина – совсем черные, совсем полные. <...> И если бы мне потом совсем не сказали, что Пушкин – негр, я бы знала, что Пушкин – негр. <...> наших богов иногда, хоть редко, но переставляли. наших богов, под Рождество и под Пасху, тряпкой обмахивали <...> Этот – всегда стоял». Лингвист Л. В. Зубова обращает внимание на то, что в трактовке Цветаевой образ и «белого» и «черного» передается через общее понятие «пустоты». «Белое» в своем исходном состоянии «теперь» воспринимается как ничем не заполненная пустота, которая впоследствии будет заполнена другими. Тогда как «черное» – это пустота, наполненная скорбью и печалью после полного разрушения, пустота, возникающая после потери. «Белое» – это «все, что существовало до», «черное» – все то, что «будет существовать после» [Зубова 1989: 112]. Таким образом, мы можем сделать вывод о неизменности пушкинского авторитета в русской культуре, его обращенность в будущее.

Мифологема «Пушкин-миротворец» находит отражение в заключении Цветаевой, что данный «памятник против расизма, за равенство всех рас, за первенство каждой – лишь бы давала гения. Памятник Пушкина есть памятник черной крови, влившейся в белую, памятник слияния кровей <...> живой памятник слияния кровей, смешения народных душ» [Цветаева 1981: 40]. Как известно из альтернативных исследований творчества автора, для Цветаевой этнический фактор был значителен, поэтому на основании происхождения Пушкина она развивает идею об избранности русских поэтов [Шеметова: 2017].

Цветаева рассуждает о мифологеме «Пушкин и власть»: «Мрачная мысль – гиганта поставить среди цепей. Ибо стоит Пушкин среди цепей, окружен (“огражден”) его пьедестал камнями и цепями <...> Круг николаевских рук <...>. Но с цепями и с камнями – чудный памятник. Памятник свободе – неволе – стихии – судьбе и конечной победе гения: Пушкину, восставшему из цепей» [Цветаева 1981: 41]. Можно заключить, что мифологема «памятник» тесно связана с мифологемой «пророк». «Сакральная» миссия поэта как пророка позволяет ему отстраниться от себя как человека, и в памятнике поэту увидеть памятник поэзии.

Во второй композиционной части «Моего Пушкина» Цветаева осмысляет произведения А. С. Пушкина. Она упоминает таких персонажей пушкинского творчества, как Петр Великий, Пугачев, вурдалак и Наполеон. Их образы составляют единую тему в повествовании Цветаевой – тему зла. Эта тема интерпретируется Цветаевой весьма нетрадиционно и одновременно она связана с темой любви. Тема зла соотносится в творчестве Цветаевой с мотивом индивидуализма и бунтарства. Как станет ясно из дальнейшего анализа, любовь, в глазах Цветаевой, являет воплощение силы воли. В героях пушкинских произведений она находит отражение их автора, его волевых качеств.

Таким образом, в автобиографическом очерке наблюдается сакрализация образа поэта с позиции автора. Цветаева как представитель модернистского направления утверждает систему сакральных ценностей, которые близки ей как отдельной личности в данный исторический период, используя существующие ранее мифологемы. На протяжении всего произведения Цветаева истолковывает миф в соответствии со своим мировоззрением и мировосприятием: мы наблюдаем сакрализацию образа Пушкина, «пропущенную» через творческую индивидуальность Цветаевой («мой Пушкин»). Поэт рассматривает уже существующие мифологемы сквозь призму личного опыта, в том числе через призму детского «остраняющего» взгляда. Жанровая доминанта автобиографии способствует тому, что в произведении значительную роль играет личностный аспект восприятия. Посредством цветаевского модернистского осмысления мы можем наблюдать новые вариации мифологем о Пушкине в контексте личности поэтессы, которые взаимодействуют с константами пушкинского мифа.

Литература

Зубова Л. В. Поэзия Марины Цветаевой. Лингвистический аспект / Л. В. Зубова. Л. : Изд-во ЛГУ, 1989. 262 с.

Смит А. Песнь пересмешника: Пушкин в творчестве Марины Цветаевой. / А. Смит. М. : Дом-музей Марины Цветаевой, 1998. 530 с.

Цветаева М. И. Мой Пушкин: [сборник] / М. И. Цветаева / вступ. ст. В. Орлова; подг. текста и коммент. А. Эфрон, А. Саакянц. М. : Сов. писатель, 1981. 224 с.

Шеметова Т. Г. Пушкин в русской литературе XX века. От Ахматовой до Бродского / Т. Г. Шеметова. Екатеринбург : Издательские решения, 2017. 350 с.

Guk A. F. *Mastering and appropriation of the Pushkin myth in M. Tsvetaeva's autobiography "My Pushkin"*

Abstract: in this article the modification of Pushkin myth in the mind of M. Tsvetaeva is introduced. In the process of comprehension of the Pushkin myth she argues about mythologems-constants about the poet, but she presents "her own" Pushkin by means of analyzing through her creativity. Myth interpretation in accordance with individual author's outlook and also with modernistic artistic techniques is observed. During the research we identified the sacralization of Pushkin from personal positions (individual myth as opposed to collective, social myth).

Keywords: Pushkin's myth, mythologeme, mythological image, sacralization, author's myth.